

УЛУХАНОВ И. С.

УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Образование новых слов не всегда происходит в рамках узואльно существующих единиц словообразовательной системы; нередко это одновременно и появление новых единиц. Говоря о «пустой клетке» или о «незаполненном месте» в словообразовательной системе, обычно имеют в виду клетку или место, предназначенные для мотивированного слова. Однако «пустая клетка» может соответствовать и более крупным единицам обобщенного характера. Состав этих клеток может быть предсказан (а в ряде случаев исчислен) на основе существующих единиц, их свойств и особенностей организации. В данной статье делается попытка продемонстрировать некоторые неизученные процессы образования и лексического заполнения теоретически возможных клеток словообразовательной системы современного русского литературного языка, соответствующих способам словообразования (I раздел), словообразовательным формантам (II раздел), значениям формантов (III раздел), словообразовательным типам (моделям) (IV раздел).

Мы попытаемся показать, что существует достаточно много единиц более крупных, чем слово, которые, не будучи отражены узואльной лексикой, являются вполне закономерными с точки зрения особенностей организации словообразовательной системы. Они могут быть заполнены и реально заполняются окказиональной лексикой. Окказиональным словом мы считаем всякое создаваемое, а не воспроизводимое слово¹.

I

1. В узואльной лексике русского языка представлены семь так называемых чистых способов словообразования: суффиксация, префиксация, постфиксация, субстантивация, сложение, сращение, усечение по аббревиатурному принципу (*специалист* — *спец*). В смешанных способах эти чистые способы сочетаются по 2, по 3 и даже по 4.

Сочетаясь попарно, эти чистые способы дают 21 математически возможную комбинацию разных способов (это число сочетаний из 7 элементов по 2). Из них в литературе по словообразованию описано 8. Между тем в узואльной лексике представлено 12 способов (большая часть из них представлена и в окказиональной), только в окказиональной лексике — еще 2. Остальные 7 лексически не реализованы. Рассмотрим каждую из этих групп.

Способы, представленные узואльными словами. К их числу относятся прежде всего все те способы, у которых в состав форманта входят только аффиксы: префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный и суффиксально-постфиксальный способы словообразования. Широко распространен и продуктивен во всех частях речи (кроме глагола) суффиксально-сложный способ (*землепроходец*, *разноязычный*, *мимоездом*).

Кроме того, в узואльной лексике представлены следующие способы: 1) сращение + суффиксация; например, *отсебятина*, *немогузнайка*, *потусторонний*, *сногшибательный*, *христарадничать* и др., окказ. *кабачегоневышлизм* (Е. Евтушенко), *таксебейный* (В. Дмитриев), *честьмун-*

¹ Ср. иную точку зрения на окказиональные слова и модели, изложенную в [1, с. 246, 247, 271; 2, с. 229, 235].

дирный (Лит. газета, 1976, 14 июля), *очертяголовничать* (И. Ефремов) и др.; 2) усечение по аббревиатурному принципу + суффиксация; например, *телевизор* — *телик* (прост.), аналогично: *шизик*, *туник*, *велик*, *мультик*, *субчик*, окказ. *автик* «плохой, неумелый автолюбитель» [3]², нов. прост. *алкаш*, *общага* и др.; 3) префиксация + сложение; к этому способу относятся лишь глаголы *оплодотворить* и *умиротворить*; новообразований и окказионализмов не отмечено; 4) усечение по аббревиатурному принципу + сложение: *спортплощадка*, *стенгазета*, *кожизделия*, *горсовет* и т. п., нов. *абитурсовет* (НРЛ — 79), *дактилоскопека* (НРЛ — 79), *дельтаклуб* (НРЛ — 79); 5) суффиксация + субстантивация: *чай* (ср. *давать на чай*) — *чаевые*, *касаться* — *касательная* (математ.), *падучая*, *парижмазерская*, *прихожая*, *чебуречная*, нов. *лепешечная* (НРЛ — 79) и др.; 6) сложение + субстантивация: *военнообязанный* (ср. прилаг. *обязанный* при отсутствии этого слова в знач. существительного), *ссылно-каторжный*, окказ. *главноуговаривающий* (НРЛ — 79) и др.; 7) сращение + субстантивация: *впередсмотрящий*, *вольнопределяющийся*; имена собственные типа *Мойдодыр*, *Тянитолкай* и др.; ср. окказ. субстантивное употребление фразеологизма: «Когда у нас поселился знаменитый пианист, он смеха ради предложил такому вот „на-все-руки“ настроить рояль» (Ю. Нагибин, Морелон); 8) сращение + постфиксация — только в слове *заблагорассудится*.

Последние четыре из перечисленных способов в литературе по русскому словообразованию, насколько нам известно, не отмечались.

Способы, представленные только окказиональными словами.

1) Субстантивация + префиксация; ср., например, *послеполетные*: «... <старшина> продолжал рассказывать... о случае, который произошел с летчиком, когда он, хлебнув „*послеполетные*“ за всю эскадрилью, отправился с аэродрома в Белосток и спьяна „пустил пузыря“ <т. е. заблудился>» (В. Богомолов, В августе сорок четвертого...).

Окказиональной субстантивации могут подвергаться сочетания существительного с предлогом; при этом сочетание превращается в единое слово, а предлог — в префикс: «Смешной старикашка, — подумала Майя, — откуда-то из *дореволюции*» (И. Грекова, Кафедра); «Давно так не спала, с *довойни*» (Кинофильм «Вызываем огонь на себя»); «В знойное *послеобед*» (Ю. Трифонов, Опрокинутый дом); «Базаром и закисю, / *Сквозь-сном* и весной... / Здесь кофе был пакостный, / Совсем овсяной!» (М. Цветаева, Поэма Конца). Это явление аналогично субстантивации наречий, которая всегда окказиональна и обусловлена контекстом — употреблением в синтаксической позиции существительного; ср.: «Он научился обращаться с пульсирующим, ускользающим „*теперь*“» (Д. Гранин, Эта странная жизнь). Сочетания типа *до революции*, *до войны* узואльнo употребляются в тех же позициях, что и наречие (*Он родился давно, до войны*), не сливаясь, однако, в наречие, как это произошло в случаях типа *наверху*, *внизу*. Слияние имеет место лишь в синтаксической позиции существительного, при этом степень спаянности предлога (префикса) с существительным в этой позиции может быть различна. Показателем этой степени может быть слитное или раздельное произношение или написание; ср.: «Прозрение его <героя. — У. И.> авторы оставляют на „*после армии*“» (Комс. пр., 1979, 1 марта); «Оставить баранку на „*после обеда*“» (Устн. речь); «Есть у тебя ближайшая цель на „*послешколы*“» (Комс. пр., 1979, 13 марта).

2) Сращение + сложение. В окказионализмах изредка встречается и такой способ словообразования, в котором объединяются эти два, казалось бы, взаимоисключающих чистых способа; ср.: «Перед отлетом собраться всем вместе на огромной площадке и играть одним мячом в игру под названием „*всевместебол*“» (Комс. пр., 1975, 1 июня).

Комбинации двух чистых способов, не представленные ни узואльнo, ни окказиональными словами. Нереализация этих смешанных способов русского словообразования обусловлена двумя причинами.

² Далее примеры, взятые из серии «Новое в русской лексике», помечаются сокращениями НРЛ с указанием года: НРЛ — 77; НРЛ — 78; НРЛ — 79.

а) Большая часть таких способов, по-видимому, имеет теоретическую возможность быть реализованными. Однако лексическая реализация слова смешанного способа у них затрудняется тем, что регулярно реализуются слова тех чистых способов, комбинацией которых является данный смешанный способ. Например, нет слов, образованных одновременно путем сложения и постфиксации, поскольку все глаголы, состоящие из сложной основы и постфикса, образованы с помощью чистых способов, т. е. или с помощью сложения с постфиксальным глаголом (ср. *настраиваться* → *самонастраиваться*, *открыться* → *полуоткрыться*) или постфиксации сложного глагола (*полуоткрыть* → *полуоткрыться*). Ни одно из этих звеньев словообразовательной цепи не пропускается.

Нет слов, образованных и путем префиксации и сращения. Правда, в 17-томном Словаре современного русского литературного языка впервые в лексикографической практике зафиксирован глагол *почайнить* [*«Почайнием вот скоронько да в путь»* (Б. Полевой, Золото)]. Если структуру данного глагола определять только по данным словарей, то можно было бы его отнести к указанному способу. Однако точнее глагол *почайнить* интерпретировать как префиксальный, поскольку бесприставочное сращение *чайнить*, отсутствующее во всех словарях русского языка, но широко представленное в печати, следует рассматривать как узуальное: «И Шестов вдруг неожиданно сказал: — *Чайнить*. Хорошее слово: „чайнить“? „Обедать“ тоже слово вкусное, но „чайнить“ лучше» (Ф. Панферов, Во имя молодого); «Когда они садились за стол, чайник уже начинал шуметь на плите, и сразу же после еды они чай пили. Именно „чайнили“, а не пили чай. Глагол и существительное объединялись таким образом в одно сложное слово, в некий глагол, который можно даже спрягать: „Я чайню“, „Он чайнует“... Только в этом случае получалось не „чайнует“, а что-то вроде „чайниит“» (Г. Семенов, Уличные фонари).

По аналогичным причинам отсутствуют слова таких способов, как субстантивация + постфиксация, а также аббревиатурное усечение в сочетании с субстантивацией, с префиксацией или со сращением.

б) Не имеет теоретической возможности быть реализованной, по-видимому, лишь одна комбинация чистых способов — постфиксация в сочетании в аббревиатурном усечении. Несовместимость формантов этих способов объясняется тем, что постфикс *-ся* образует глаголы, постфиксы *-то*, *-либо*, *-нибудь* выступают в ограниченном числе местоименных слов, результатом же аббревиатурного усечения всегда являются существительные. Эта «пустая клетка» принципиально не заполняема. Видимо, такие умозрительно возможные клетки вообще нельзя считать клетками языковой системы. Вместе с тем выявление взаимоисключающихся в каком-либо отношении единиц языка и причин этого взаимоисключения также представляет определенный интерес.

С увеличением числа комбинаций чистых способов в пределах одного смешанного уменьшается возможность лексической реализации этих смешанных способов. Сочетаясь по три, указанные выше семь чистых способов могут дать 35 различных математически возможных комбинаций (число сочетаний из 7 элементов по 3). Из них 5 реализовано в узуальной лексике и 3 — в окказиональной.

В узуальной лексике реализуются следующие способы: 1) префиксально-суффиксально-постфиксальный способ (*перешучиваться*, *расцедриться*, окказ. *оносорожиться* и мн. др.); 2) префиксация + суффиксация + субстантивация, например, *подзащитный*, *подсудимый*, *подконвойный*, *подноготная*, *набережная*; 3) префиксация + суффиксация + сложение, например, *вполоборота*, *втридорога*; *повсеместный*, *повседневный*; *размокропогодить*; окказ.: «Земшар сияньем сплошным раззолочен/И небо над шаром раззолотонепело» (В. Маяковский, Пятый Интернационал); «Ране саме себя жгли, а теперь оскудодушили. Теперь они других на уголья» (В. Астафьев, Стародуб); «Даже помокроглазила втихомолку» (Г. Марков, Тростинка); «<...> от радости, которую так щедро дарила гармонь в те безмузыкальные, вернее, *безмузыкальноинструментальные* времена (В. Солоухин, Двадцать пять на двадцать пять); «<...> тот гор-

ный воздух, который так сладко, по-раннеапрельски холодит гортань» (В. Солоухин, Прекрасная Адыгене); 4) суффиксация, сложение и субстантивация; этот способ следует усматривать у существительных адъективного склонения типа *двугривенный* или у специальных терминов типа *китобразные* — в тех случаях, когда в языке отсутствуют соответствующие прилагательные; 5) аббревиатурное усечение + сложение + субстантивация: *беруши* (из береги уши) «противошумные вкладыши в ухо».

В окказиональной лексике отмечена реализация следующих смешанных способов словообразования, представляющих собой комбинацию трех чистых способов:

1) Префиксация + сложение + постфиксация: «Тебя покритиковали? Теперь *отсамокритикуйся!*» (Н. Евдокимов); 2) сложение + суффиксация + постфиксация: «Как ты там, моя медведица — /Ковшик в проруби ночной?/ Как тебе там *семизвездится!* Рядом с желтой луной?» (О. Тарутин); 3) сращение + сложение + суффиксация: «Бориска — это мой *двухполовиногодовалый сын*» (Смена, 1964, № 21) ³.

Потенциально возможна, видимо, реализация и некоторых других способов словообразования, например, префиксации, суффиксации и сращения; префиксации, суффиксации и аббревиации; аббревиации, сложения и суффиксации и др. В то же время, как уже указывалось, заведомо невозможно объединение в одном способе аббревиатурного усечения и постфиксации.

Слов, образованных смешанными способами, состоящими из комбинаций более чем трех чистых способов, в узуальной лексике не имеется. Отмечен лишь окказионализм, образованный с помощью четырех способов одновременно, — префиксации, сложения, суффиксации и постфиксации: «На одном из поездов видел Союз Ходаковскую: мажется, красится во все цвета радуги и сильно *окошкодохлилась*» (А. П. Чехов, Из письма М. П. Чеховой от 11 мая 1887 г.).

2. Семью чистыми способами и их разнообразными комбинациями словообразовательные возможности русского языка не исчерпываются. В исследованиях по окказиональной лексике периодически отмечались чистые способы словообразования, свойственные только окказионализмам.

Среди окказиональных способов словообразования особое место занимают так называемые обратные способы. Окказиональность является здесь показателем отношения мотивированности [ср. «... перемолоть... всякую неразбериху в *разбериху*» (С. Залыгин, Комиссия)]. Соотношение *разбериха* — *неразбериха* формально и семантически не отличается, например, от соотношения *порядок* — *непорядок*, но отношения мотивации в этих парах разнонаправленны, поскольку *порядок* — узуальное слово, а *разбериха* — окказионализм.

Всякое соотношение мотивирующего и мотивированного может быть прочитано не только слева направо, но и справа налево, т. е. потенциально может быть моделью для обратного словообразовательного процесса. В связи с этим естественно возникает вопрос: каждому ли из семи чистых способов словообразования соответствует обратный способ?

Всем чистым аффиксальным способам словообразования соответствуют «деаффиксальные»: префиксации — депрефиксация (например, приведенное выше *разбериха*, образованное от *неразбериха*), постфиксации — депостфиксация (*содрогать* «вызывать содрогание, сотрясать», НРЛ — 79 — от *содрогаться*), суффиксации — десуффиксация: *радиовещать* (Л. Мартынов) — от *радиовещание*.

Обратное словообразование имеет место также в парах типа *няня* — окказ. *нянь* («Усатый *нянь*» — название кинофильма), *фифа* — окказ. *фиф* [«Какая-то *фифа*. А с ней молодой *фиф*» (А. Приставкин, Голубка)], *наяда* — окказ. *наяд* [«Папуленька, он же *наяд*. Мужского рода» (Лит. газета, 1969, 11 июня)], *обезьяна* — окказ. *обезьян* [«Я вижу перед собой очень славного *обезьяна*» (В. Комиссаров, Старые долги)]. Интерпретация этих образований зависит от интерпретации «прямых» отношений в

³ Этот способ и пример отмечены в [4].

парах типа *супруг — супруги, раб — раба, кум — кума, барсук — окказ. барсука* [«Я барсучонок, а мама моя — *барсука*» (из детской речи)], где усматривают либо мену парадигм (конверсию, парадигматизацию), либо нулевую аффиксацию. Соответственно в парах типа *няня* — окказ. *нянь* можно усматривать либо «депарадигматизацию» (обратную конверсию), либо отсечение нулевого суффикса (своеобразную разновидность десуффиксации).

Возможна, надо полагать, и окказиональная десубстантивация, т. е. употребление существительных адъективного склонения в синтаксической позиции прилагательных: «... только вот хлеба маловато, потому что у нее не *рабочая*, а лишь *служашая карточка*» (А. Ананьев, Версты любви); «...человека с *достоевской фамилией* Алеша Берестянкиков» (А. Марченко, Время искать себя⁴).

Что касается сложения, сращения и аббревиатурного усечения, то для них обратный словообразовательный процесс невозможен.

Таким образом, из семи чистых узуальных способов четыре имеют окказиональные соответствия среди обратных способов.

Интересно, что в окказиональном словообразовании возможны смешанные способы, образуемые комбинацией прямых и обратных способов словообразования. Это явление довольно широко распространено в сфере окказиональных глаголов, образованных от существительных, имеющих две основы и суффикс, причем вторая из основ — глагольная; например: «Задумается, *посамоугрызается* жить, как жил...» (М. Ганина, Театральная актриса); «А он/вытягивает, /как булавку из ила,/пустяк,/который полегше *зарифмоплесть*» (В. Маяковский, О поэтах); «... надо выискивать таланты и готовить их индивидуально. Не „*общеобразовывать*“, а развивать мысль, сердце, фантазию, воображение» (Огонек, 1977, № 22; НРЛ — 77); «Из-за многолетней инерции, даже при наличии прекрасных мастерских, ученик, попробовав свои силы и на токарном станке, и на слесарном верстаке, в конце концов снова „*спрофориентируется*“ на вуз» (Лит. газета, 1978, № 14; НРЛ — 78.) Все приведенные окказиональные глаголы образованы посредством десуффиксации (отсечение суффиксов *-ение, -ание, -ация* и нулевого — в слове *рифмоплет*) в сочетании с неокказиональными способами словообразования: *по-* + *само-* + [*угрыз(ение)*] → *угрызаться*; *за-* + [*рифмоплет(0)*] → *рифмоплесть*, *обще* + + [*образова(ние)*] → *образовать* + *-ывать*, *с-* + [*профориент(ация)*] → *профориентировать* + *-ся*. Отмечено также сочетание десубстантивации (сущ. *набережная* → прилаг. *набережный*) и сложения: *правонабережный* «расположенный в районе набережной правого берега реки»: «С большими трудностями исполком городского Совета столкнулся и при застройке *правонабережного* центра Вильнюса» (Изв., 1979, 11 сент.; НРЛ — 79), десубстантивации (сущ. *прилагательное* → прилаг. *прилагательное*) и префиксации: ср. иногда встречающиеся в лингвистических работах прилагательные типа *отприлагательный* (глагол) в значении «образованный от прилагательного».

Наряду с всегда окказиональными обратными способами словообразования существуют и «прямые» окказиональные чистые способы словообразования: междусловное наложение [7]: *камазонки* (*камаз* + *амазонки*) (Л. Белинский), *эрудитяtko* (*эрудит* + *дитяtko*) (И. Фоляков); контаминация слов: *мемуаразм* (*мемуары* + *маразм*) (Лит. газета, 1974, 11 дек.), *бюракростиx* (*бюрократ* + *акростиx*) (Крокодил, 1977, № 11; НРЛ—77).

⁴ В адъективном употреблении фамилий на *-ск(ий)* (которое в отдельных случаях закрепляется узуально; ср. *Дзержинский район*) усматривают совмещение элемента *-ск(ий)* существительного с суффиксом *-ск(ий)* прилагательного (*Достоевский* + *-ский* → *достоевский*), который обычно сочетается с фамилиями: ср. *Виноградов* → *виноградовский* и т. п. (см. [5]). Однако поскольку в роли прилагательного могут употребляться такие слова адъективного склонения (в том числе и фамилии), у которых нет совмещения морфем (ср. приведенные выше сочетания *рабочая, служашая карточка*; а также *Молошная ... грамматика*, т. е. «грамматика... Молошной» [6]), то целесообразно, с нашей точки зрения, окказиональное употребление всех существительных (в том числе и на *-ский*) в роли прилагательного рассматривать как окказиональную десубстантивацию.

вставки внутрь слова: *самонелюбца* (И. Лисянская), удаление средней части слова [*алкоголик* — *алик* (А. Вампилов); *туберкулезник* — *тубик* (устн. речь)], замены фонемы с целью установления связи с созвучной морфемой («каламбурный способ словообразования»): *дымократия* [2, с. 237], замена неморфемной части слова на морфемную: *аудиенция* — *удиенция*, *фельетон* — *клеветон* и др. [8, с. 417].

II

1. Выявление всех возможных клеток системы, определение пустых и заполненных клеток возможно не только на уровне таких крупных единиц, как способы словообразования, но и на уровне словообразовательных формантов. Естественно, что чем большим количеством единиц представлен определенный уровень, тем большее число комбинаций они могут образовывать. Исчисление максимально возможного числа таких комбинаций «вручную» нереально.

Поэтому переходя от способов словообразования к конкретным словообразовательным формантам, рассмотрим (причем далеко не полностью) аналогичным образом лишь одну подсистему — подсистему отыменных префиксально-суффиксальных глаголов. Здесь также могут быть выявлены потенциально возможные комбинации и определены степень и причины их реализованности.

Из 29 префиксов русского языка, выступающих в глаголе, в образовании глаголов смешанных способов участвует 19 (не участвуют непродуктивные или заимствованные префиксы типа *низ-*, *пре-*, *дис-* и т. п.). Следовательно, потенциально возможно по 19 комбинаций приставки с каждым из суффиксов. Далеко не все эти комбинации реализованы в узуальной лексике, и незаполненные пустые места являются причиной появления новых смешанных формантов. Таков, например, формант *на-* + *-и-* отсубстантивных префиксально-суффиксальных глаголов, ср. новообразования *насургучить*, *набриолинить*, *наватить*, окказионализмы: *нафиксатуарить* (М. Булгаков), *накамфарить* (У. Фолкнер, пер. с англ.), *науглеродить* (В. Емельянов) и др.

Из 19 возможных комбинаций префикса с суффиксом *-е-* в узуальных префиксально-суффиксальных глаголах реализовано лишь 9 (с префиксами *вы-*, *за-*, *из-*, *о-*, *об-*, *по-*, *при-*, *про-* и *у-*; ср. также преф. *обез-*, представленный только в смешанных способах словообразования: *обеспамятеть*), в окказиональных — еще 4: *на-*: «...на стеклах вагонных *нальдело*» (Н. Асеев, Маяковский начинается); *от-*: «На воздухе он *отжигел*, возбудился» (А. Платонов, Епифанские плюзы); *с-*: «Даме одной, дремавшей в идиллии, / в ноздрю *сжаревший* влетел мотылек» (В. Маяковский, 150 миллионов); *раз-*: он сильно *размордел* (устн. речь).

При этом каждый префикс реализует в префиксально-суффиксальных типах лишь часть своих значений. Так, в узуальных префиксально-суффиксальных глаголах с суффиксом *-е-*, судя по материалам «Русской грамматики», реализовано 9 (т. е. по одному у каждого префикса) из 107 значений, свойственных 19 префиксам.

В узуальных префиксально-суффиксальных глаголах (в том числе и в глаголах с суфф. *-е-*) чаще всего реализуется чистовидовое (или результативное) значение префикса, ср. *глянцевый* — *заглянцеветь*, *полоумный* — *ополоуметь* (прост.), *красивый* — *покрасиветь* (прост.), *смирный* — *присмиреть*, *целый* — *уцелеть*, значительно реже — пространственные [*мох* — *замшеть*, *обомшеть*, единичные: *вызвездеть*, окказ. *вытолицеть*: изо всех одежек *вытолицел* (Ю. Грачевский); *просолеть* (прост. и устар.)] и количественные: единичное *издырывать* (прост.). В узуальных префиксально-суффиксальных отыменных глаголах (со всеми суффиксами) совершенно не представлены временные значения префиксов, что вполне поддается объяснению: временная конкретизация действия предполагает непосредственную соотнесенность с этим действием (*запылить* — «начать пылить»), а не с именем, возможную в глаголах с префиксами других значений (ср. *посерьезнеть* — «стать серьезным или серьезнее», *зам-*

шать — «покрыться мохом»). Поэтому временные значения префиксов реализуются лишь в окказиональных отыменных глаголах, например: «— Смотри, Ванька! — Начинается! — поморщился Иван. — *Заванькал*» (В. Шукшин, *До третьих петухов*); «Анисья начала было отказываться от подарка..., но потом „*заспасибкала*“» (А. Кривоносов, *Гори, гори ясно*). Это также объяснимо: неузualmente начинающий глагол *заванькать* означает начало действия, выраженного неузualmente же потенциально возможным глаголом *ванькать*. Глаголы *заванькать* и *ванькать* могут быть соотнесены как мотивированное и мотивирующее, поскольку они равноправны с точки зрения узуальности / неузуальности. Существование чеузualmente *заванькать* означает возможность существования неузualmente *ванькать*. Существование узualmente глагола с временным префиксом возможно только при существовании соответствующего узualmente же глагола без этого префикса.

Как видим, образование узualmente префиксально-суффиксальных глаголов имеет существенные семантические ограничения. В словообразовательной системе, таким образом, обнаруживаются клетки, которые могут быть заполнены только окказиональной лексикой.

Существуют такие аффиксы (в данном случае глагольные префиксы и суффиксы), которые не могут выступать в составе одного и того же префиксально-суффиксального слова в силу их семантической несовместимости. Так, значение «становления признака» несовместимо с подавляющим большинством пространственных значений, например, со значением «направленности от одного места в другое» у преф. *пере-*, приближенности у префиксов *при-*, *под-*, *до-* и т. п. Редкость и семантическая уникальность приведенных выше глаголов *вызвездеть*, окказ. *вытолицеть* подтверждают трудность (в большинстве случаев невозможность) совмещения локальных значений и значения становления признака.

2. Наряду с новыми или окказиональными смешанными формантами возможно возникновение и новых или окказиональных «чистых» формантов — аффиксов. Это явление почти не изучено применительно к современному языку. Оно также представляет собой реализацию определенных закономерностей системы.

Как известно, существует формально-семантическая (или только семантическая) корреляция между префиксом и предлогом; поэтому существование предлога (видимо, не всякого, но этот вопрос заслуживает специального анализа) при отсутствии соотносительного префикса — это потенциальная возможность появления нового префикса (еще один вид пустой клетки, которая может быть заполнена). Так, недавно возник префикс *около-*, а префиксы *внутри-* и *вне-* возникают на наших глазах: ни представлены главным образом в неологизмах и окказионализмах [9], нов. *внутривенно*, *внутрикожный*, *внутриконтинентальный*, *внутриотраслевой*; *внеатмосферный*, *внегалактический*, *внеконкурсный* и т. п. Видимо, можно говорить уже и о возникновении узualmente префикса *вдоль-*: лексикографически зафиксирован лишь новый сельскохозяйственный термин *вдольрядный*, но возможны окказиональные образования: *«вдольбереговые огоньки»* (К. Вашенкин), *вдольстенный бордюр* и т. п. Некоторые предлоги пока лишь окказионально употребляются в роли префикса: ср.: *околокожевики*, *возлескорняки* (А. Межиров); «Семен Нариньяни больше интересуется этическими проблемами „*вокругфутбольной*“ среды» (Сов. спорт, 1970, 22 февр.). Предлоги *возле*, *вокруг* по аналогии с синонимичным предлогом *около*, коррелирующим с приставкой, в окказионализмах *возлескорняки*, *вокругфутбольный* употреблены в роли префиксов.

Новые суффиксы появляются иным путем. Основным источником появления новых суффиксов — всякое сочетание рядом стоящих суффиксов. Как уже указывалось в исследованиях, это сочетание превращается в новый узualmente суффикс, как только в узualmente лексике появляются два слова, отличающиеся друг от друга этим сочетанием при отсутствии слова, образованного с помощью первого из суффиксов. Так, сочетание суффиксов *-овани/-* стало единым суффиксом после появления терминов типа

дождевание, дрожжевание, стебление, при которых отсутствуют глаголы, образованные с помощью суффикса *-ова-*. Аналогичным путем, как известно, возникли и некоторые префиксы (*обез-*, *недо-*).

В окказионализмах возможно и выделение окказиональных суффиксов, не являющихся суммой других суффиксов [*осенебри* (А. Вознесенский)].

III

1. Развитие новых значений у аффиксов также может быть предсказано и объяснено связями и соотношениями, существующими в словообразовательной системе.

Корреляция предлог — префикс способствует появлению не только новых префиксов, но новых значений у существующих префиксов. Если во многих случаях имеет место такая корреляция, то ее отсутствие воспринимается как пустая клетка, которая может заполняться неологизмами или окказионализмами.

Так, у приставки *около-* отсутствует значение приблизительности (ср. *около часа*), свойственное предлогу *около*. Оно появляется у приставки лишь в новом специальном термине *околосвук* (о скорости) «близкий к скорости звука».

У приставки *под-* отсутствуют многие из значений предлога *под*, в частности, значение «предназначенности» (*помещение под silos*), «временной близости» (*под вечер*, *под утро*) и «состояния, положения» (*под сомнением*, *под угрозой*). Первое из них приставка приобрела в неологизме *подсилосный* «предназначенный для хранения силоса», второе — в окказиональном существительном *подвечер*: «Ему казалось, что они приземлятся в дотлевающем *подвечере*» (Ю. Нагибин, Сентиментальное путешествие), третье — в окказиональном прилагательном *подсомненный*: «Труд гениев порою их самих / пугает результатом *подсомненным*» / (Е. Евтушенко, Братская ГЭС). Ср. также отражение значений предлога *за* в иронических неологизмах *заушный* (*заушное образование*; ср. *за уши*), *заавторство* (ср. *работать за кого-л.*), в окказионализме *задолларовый обыватель* (Б. Пильняк; ср. *купить за доллары*).

2. Развитие нового значения у морфемы может происходить по аналогии с другой морфемой — в том случае, если между этими морфемами имеет место какая-либо семантическая связь. Так, приставки *под-* и *над-* антонимичны в пространственном значении (ср. *подзаголовок* — *надзаголовок*). Кроме того, у префикса *под-* имеется (наряду с прочими) значение «более низкая ступень какой-либо классификации, системы»: *подвид*, *подсемья языков* и т. д. Соответствующее антонимичное значение у приставки *над-* отсутствует. Эта пустующая клетка также может окказионально заполняться, ср. окказ. *надсемья* (языков): «К постратической макросистеме („*надсемье*“) принадлежат ... несколько языковых семей и „внесемейных“ языков, объединяемых в понятие „алтайские“» (Знание — сила, 1975, № 6).

Обе рассмотренные причины появления новых значений (аналогия с предлогами и с другими морфемами) могут действовать одновременно, ср. окказионализм *поистория* в значении «история, следовавшая после другой истории»: «Очень коротенькая история — с очень долгой *доисторией*. И *поисторией*» (М. Цветаева, Повесть о Сонечке). Приставка *по-* имеет в этом слове значение «следования после чего-л. во времени», отсутствующее у нее в узуальных словах. Оно появилось и как антоним к приставке *до-* (ср. приведенный контекст), и как коррелят к соответствующему значению предлога *по* (ср. *по окончании*, *по уходе* и т. п.).

3. Источником развития новых значений аффиксов является регулярная полисемия в системах общих или контекстных значений многих из аффиксов. Полисемия аффиксов и особенно степень ее регулярности относятся к числу неизученных проблем. Между тем, предварительное рассмотрение материала позволяет утверждать наличие довольно регулярных семантических отношений в системе значений разных аффиксов. Так, пространственное значение приближения регулярно связано со значе-

нием небольшой интенсивности и дополнительности (ср. сходные системы значений у приставок *при-* и *под-*: *прийти* и *подойти*, *припугнуть* и *подпугнуть*, *прикупить* и *подкупить* в знач. «купить дополнительно» и т. п.).

Своего рода принудительная семантическая связь существует между значениями лица и неодушевленного предмета — регулярными контекстными реализациями общего инвариантного значения «субстанция, имеющая отношение к тому, что названо мотивирующим словом», выражаемого с помощью суффиксов *-тель*, *-ник*, *-арь*, *-ак* и т. п. Наличие одного из этих значений предполагает, как правило, потенциальную возможность появления другого. Исключение составляют, видимо, только экспрессивные аффиксы типа *-ага*, *-уха*, у которых развитие значения предметности маловероятно в силу их экспрессивности.

Так, узусальные существительные с преф. *под-* и суффиксом *-ник* означают неодушевленный предмет, а многие новообразования и окказионализмы с тем же формантом (*под-* + *-ник-*) имеют значение лица: ср. нов. *подбашмачник*, *подкаблучник* «тот, кто находится под башмаком (каблуком) у женщины», окказ. *подпотолочник* — «сидящий под потолком в зрительном зале» (НРЛ — 78), *подзаборник* (А. Н. Островский).

IV

1. Возникновение потенциально возможных способов, формантов и их значений — это одновременно и возникновение новых словообразовательных типов. Однако возможно возникновение новых типов в пределах уже реализованных способов с помощью существующих формантов. Это происходит в тех случаях, когда формант расширяет свою частеречную сочетаемость и/или начинает употребляться в словах тех частей речи, в которых он ранее не был представлен⁵. Например, так называемые градуальные значения (значения меры и степени) совместимы со значениями предметности, признака и действия. Поэтому есть префиксы градуального значения, сочетающиеся с существительными, прилагательными и глаголами (*раскрасавица*, *распрекрасный*, *разобидеть*), но есть синонимичные префиксы, представленные в узусальной лексике лишь в сочетании с некоторыми из этих частей речи. Возможность сочетаемости с другими частями речи реализуется лишь окказионально, ср. узусальные *сверхприбыль*, *сверхметкий*, но окказ. *сверхаглеть*: «И родители лезут из кожи вон, гонятся за сверхдостатком..., а отпрыск, видя это, *сверхаглет*» (И. Месхи, *Рука хулигана*); ср. *архисоврать* у Ф. М. Достоевского и др.

В отдельных случаях расширению частеречных сочетаемостных особенностей префиксов может способствовать их устойчивое употребление в составе форм, отражающих неустойчивость границ между некоторыми частями речи. Так, формы страдательного причастия (с суф. *-онн/-нн-*) префиксальных глаголов с преф. *пере-* часто употребляются для выражения повторности и интенсивности действия непосредственно после таких же мотивирующих глаголов: «Он прыгал на эти два метра в старой-престарой, *латанной-перелатанной* шиповке» (Юность, 1969, № 5). Передко в аналогичных конструкциях выступают отглагольные образования с суффиксом *-он/-н-*, свойственным прилагательным, а не причастиям: «На парне кургузый пиджачишко, штопаный-перештопанный, латанный-перелатанный» (А. Рекемчук, Товарищ Ганс). Возможны и написания с *-н-* в бесприставочном прилагательном и с *-нн-*, в следующем за ним префиксальном причастии: «...в неизменно рваной, замасленной шубейке и *штопанных-перештопанных* штанах» (Ю. Нагибин, *Погоня*). Неустойчивость орфографии свидетельствует о неустойчивости границы между причастиями и прилагательными в данных конструкциях, а эта неустойчивость

⁵ Слова, объединяющиеся в один словообразовательный тип, характеризуются не только формальной и семантической общностью форманта, но и общностью части речи мотивирующих и мотивированных слов [10, с. 135].

способствует проникновению префикса *пере-* из сферы глагола в сферу прилагательных, результатом чего и являются образования с данным префиксом от неотглагольных прилагательных, употребленных как в конструкциях, аналогичных описанным выше, так и вне таких конструкций: «...заграница» ...с... известными и переизвестными красотами природы» (В. Буренин, Роман в Кисловодске); «Она с Алексеем Алексеевичем познакомилась... с Каменевым. Народным-перенародным и двадцать раз лауреатом» (В. Розов, Традиционный сбор); «Втемяшила себе, что рассчитается за семь классов — и на стройку. Мол, всенародная, перенародная!» (В. Фоменко, Память земли).

2. Невозможно объяснить с синхронной точки зрения отсутствие некоторых префиксов у ряда частей речи. Так, у существительных отсутствуют некоторые префиксы пространственных значений, имеющиеся у прилагательных (*вне-, внутри-, среди-, транс-, через-*, ср. *внешкольный* и т. п.). Между тем существительные с другими локальными префиксами находятся в регулярных формально-семантических связях с прилагательными, включающими эти префиксы (ср. *заречный* — *заречье* и т. п.). Это говорит о том, что отсутствие у существительных локальных префиксов *вне-, внутри-* и др. следует рассматривать как нереализованную возможность, которая может быть реализована. Так, лишь в специальных стилях отмечены *внеплодник* «наружный очень тонкий слой околоплодника в плодах растений» и *внутриплодник* «внутренняя часть околоплодника в плодах растений».

Подводя итоги, отметим, что возникновение новых обобщенных единиц словообразовательной системы — типов, способов, аффиксов осуществляется по аналогии с существующими отношениями. Это реализация возможностей, заложенных в системе. Закономерные новые или окказиональные единицы следует отграничивать от незакономерных. Так, окказионализм А. Вознесенского *тюрьмы-тюрьма* (*В душе — тюрьмы-тюрьма*) относится к числу незакономерных с точки зрения словообразования не столько потому, что перед нами необычное для языка соединение основы существительного с суффиксом *-ым* [1, с. 273], выступающего лишь в сочетании с прилагательными (ср. *черным-черно*), сколько потому, что не существует образца для такого расширения: ни один из суффиксов суффиксальных наречий не сочетается одновременно и с прилагательным, и с существительным. Для окказиональных слов типа *тюрьмы-тюрьма* не заготовлено места (клетки) в словообразовательной системе.

Факторы, определяющие наличие такого места, многообразны и различны для каждой из единиц словообразования, рассмотренных в данной статье. Дальнейшее изучение выявит, надо полагать, новые «клеткообразующие» факторы словообразовательного характера, а также взаимодействие словообразовательных факторов с лексическими и стилистическими факторами, способствующими или препятствующими тому, что допускает словообразовательная система [11, с. 61, 62].

Выявление заполненных и незаполненных мест системы, соответствующих ее крупным единицам, некоторые из которых поддаются исчислению, имеет значение не только для описания словообразовательных закономерностей современного языка, но и для сравнительно-типологического и исторического словообразования. Для обозримого числа единиц можно построить универсальную схему единиц и их комбинаций и с помощью такого единого эталона сравнивать словообразовательные системы разных языков.

Одни и те же словообразовательные закономерности в разных языках могут быть по-разному лексически реализованы. Окказиональное в одном языке может быть узуальным в другом. Так, приведенному выше окказионализму *подвечер* с окказиональным значением приставки *под-* в чешском соответствует узуальное *podvečer*, ср. также польск. обл. *podwieczierz* в выражении *na podwieczierz* «под вечер». Окказиональные для русского языка субстантивированные соединения предлога временного значения и существительного типа *дореволюции* (*из дореволюции*), *довойны* (*с довойны*) в значении «дореволюционное, довоенное время», узуальны

для немецкого и английского языков, ср. нем. *Vormittag* «предобеденное время», англ. *afternoon* «вторая половина дня» и мн. др.

Что же касается исторического словообразования, то оно может быть построено как описание постепенного возникновения и заполнения пустующих мест в словообразовательной системе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ханпира Э. И. Окказиональные элементы в современной речи.— В кн.: Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М., 1972.
2. Современный русский язык. М., 1981.
3. Новое в русской лексике. Словарные материалы — 78. М., 1981.
4. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980, с. 114.
5. Лопатин В. В. Маяковская сатира. Достоевский репертуар.— Русская речь, 1972, № 4.
6. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 52.
7. Янко-Триницкая Н. А. Междусловное наложение.— В кн.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
8. Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования.— В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. 1. Ташкент, 1975.
9. Новые слова и значения. М., 1971.
10. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
11. Степанова М. Д. Вопросы моделирования в словообразовании и условия реализации моделей.— ВЯ, 1975, № 4.